



## КУДА ВЫГОДНЕЕ ЭКОНОМИТЬ НЕРВЫ НАРОДА, ЧЕМ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

Важнейшим приоритетом государства является совокупное народное здоровье, без которого меркнут и гибнут радость, мудрость, знания и добродетель».

*Мишель Монтень*

Насилие на государственном уровне сначала приводит к возмущению, потом — к взрыву.

*Нельсон Мандела*

В июне 1953 года я получил аттестат зрелости об окончании Степанакертской средней школы № 3 имени А. С. Грибоедова. В отличие от многих других моих одноклассников, я ничуть не терзался мыслями о том, куда пойти учиться. Еще до получения аттестата мне в военкомате вручили все необходимые документы для поездки в Ленинград, чтобы попытаться поступить в Высшее военно-морское училище. Нетрудно предстать, что творилось в моей душе, переполненной юношеской романтикой. Казалось, все в одночасье изменилось вокруг: лица степанакертцев стали еще красивее и добрее; вроде стали краше и контуры гор на юге, где под небесами расположился Шуши; и лесистый холм на западе, куда с детства ходил по дрова каждый день; и пологие хребты на севере, где находилось мамино село Кятук. Словом, все и вся стали другими, какими-то более ласковыми. В то же время ничего вроде бы и не изменилось. Три месяца назад умер Сталин, но по-прежнему всюду висели его портреты, а в самом центре Степанакерта, у бульвара «Пятачок», продолжал возвышаться каменный вождь. Я понимал, что изменился, конечно, я, стоящий на старте пути к мечте. И ничуть не сомневался, что мечта эта, грезы эти — не что иное, как «дальнее плавание», как «воля и свобода», как «счастье», как романтика, наконец.

Мне тогда и в голову не могло придти, что когда-нибудь, лет через пятнадцать, в «Литературной газете» напишу: «Принято считать, что романтика начинается за Уралом... Я думаю, романтика не в географии, а в нас самих. Романтика — в нас самих. Я в это верю». О том, что и воля, и свобода — это очень

условные, очень относительные понятия, я узнал в первый же день по прибытии в Ленинград. Нас, восемнадцатилетних юношей, приехавших в Питер (считалось неким пижонством и шиком так называть северную столицу России) из разных концов страны, собрали в кучу, строем отправили в специальную баню, где всех остригли наголо, заставили смазать остриженную голову вонючей мазью, подвергли дезинфекции одежду, от которой долго пахло сероводородом. И опять же строем отправили в воинскую часть, которую называли «Экипажем» и которая находилась, как нам не без гордости говорили, на Мойке, где умирал Пушкин.

В десять вечера дали команду «Отбой!». Однако никто не мог заснуть до трех ночи. С непривычки: как-никак — белые ночи. Невозможно закрыть глаза, когда за окнами светло, как днем. В шесть утра раздалось громкое: «Подъем!». Никто не мог и не хотел вставать. Но не тут-то было. Здоровенный мичман, чем-то похожий на Ивана Поддубного, одной рукой приподнимал двухъярусную койку и тряс ее как сито, подбрасывая вверх будущих курсантов, вторые визжали со страху.

Вскоре завершились вступительные экзамены. Мы подолгу всматривались в зеркало, не узнавая себя. Знакомый юноша в морской форме. Я поспешил сфотографироваться, чтобы как можно скорее отправить снимки в Степанакерт дедушке. На этом и закончилась вся романтика. Начался суший ад. Три месяца длился курс молодого матроса. Каждый день — зарядка, строевая подготовка, походы, кросс, спортивные состязания, политзанятия. Двое не выдержали страшной нагрузки, и их отчислили. Приказ зачитали перед строем, чтобы всем остальным неповадно было. В первые дни каждый вечер перед сном я философствовал: ничего страшного, сам выбрал себе эту дорогу; нечего жаловаться на трудности, которые омерзительны уже тем, что напоминают некое насилие над душой. Не так тяжело было физически, как душевно. С одной стороны, — мы, выпускники десятилеток, среди нас немало парней, окончивших школу с золотой и серебряной медалями, с другой — старшины-сверхсрочники, которые, будучи командирами отделений, прошедшие войну, остались практически полуграмотными людьми. Увы, не все они были мудрыми. Некоторым, как нам казалось, просто нравилось поиздеваться над юнцами только потому, что те были грамотнее их. И здесь тоже спасала нас философия. Мы сознавали, что все это — реалии жизни. Все это, как говорится, данность, а может даже — фатализм.

Не забыть и первый день на корабле. После окончания первого курса, как того требует учебная программа, нужно было научиться прыгать с парашютом, целый месяц слесарничать и токарничать на заводе и два месяца жить и служить на боевом корабле в качестве матроса со всеми отсюда вытекающими последствиями. Практически каждую ночь, иногда по два-три раза, поднимался личный состав по учебной тревоге. Конечно, мы ворчали, ныли, злились. Но, тем не менее, исправно выполняли приказ. И продолжали философствовать: люди становятся офицерами, профессиональными военными, да еще моряками для того, чтобы быть готовыми к войне. Больше ни для чего. А на войне как на войне. Постепенно привыкли ко всему. Трудности и тяготы службы вовсе не считали насилием. А неграмотные старшины, мичманы и боцманы, как показала жизнь, были очень даже славными мужиками. Мы уже не ворчали, не ныли, не злились, как прежде, ибо сознавали, что нет никакого насилия над личностью. Есть служба. По большому счету, есть долг. Есть даже этапная мечта: поскорее бы надеть офицерскую форму с золотыми погонами лейтенанта, с легендарным морским кортиком. Увы, мне не повезло. Я так и не стал офицером. Не надел морской офицерской формы с кортиком. Но это уже другой разговор. Об этом я много писал. И сейчас весь этот довольно пространный чисто личный биографический экскурс вовсе ни к чему.

Мне очень хотелось предварить очередную встречу с читателем личными воспоминаниями только для того, чтобы подчеркнуть выраженное различие между жизненными трудностями и самым даже едва заметным насилием над личностью. Пример, который я хочу привести, может показаться необычным, даже странным. Однако, глубоко убежден, вопрос этот волнует всех — от мала до велика. Речь идет о насилии над биологическими часами человека. За десять лет работы врачом на Камчатке мне не раз приходилось слышать от родителей, которые вместе с детьми проводили отпуск на курортах черноморского побережья, что взрослые адаптировались, акклиматизировались за три-четыре дня, а дети мучились более недели, пока привыкали к новым биологическим часам, к новому ритму. То же самое было уже после возвращения на полуостров. Однако в этом случае некого было обвинять. Такова была природа вещей. Разница между Москвой и Камчаткой — девять часовых поясов, и никуда от этого не денешься. Но вот вдруг не природа, не реалии жизни, а сами люди, точнее, само государ-

ство, без согласия на то народа, без необходимой исследовательской работы, всего лишь за сутки в приказном порядке предупреждают, что в ночь последнего воскресенья марта нужно перевести стрелки часов на час вперед, чтобы восстановить «статус-кво» ровно через семь месяцев.

Энергетики как-то неловко и коряво пытаются убедить, что эта мера или даже акция эта приносит «определенные выгоды государству и что «по данным» медиков, она не влияет отрицательно на здоровье и самочувствие граждан. А через день-два многие газеты, как правило, иронично или язвительно проходят по этой самой «мере» или «акции» и вскоре замолкают, подчиняясь фатализму. Учитывая, что газета живет не один день, а вечно, приведу хотя бы несколько заголовков: «У государства голова должна болеть не только об экономии электроэнергии, но и о головной боли своих граждан»; «Экономить надо нервы, а не электричество»; «Руки прочь от наших биологических часов!» А вот некоторые выписки, которые я в разное время делал из газет и писал сам: «Терпеть не могу безответную любовь. В том числе и безответную любовь к родине. Каждая половозрелая особь должна отстрадать романтизмом как можно раньше и в дальнейшем строить свою жизнь строго на основе взаимности. В том числе и с государством». «Переход на зимнее или летнее время у меня всегда вызывал подозрение. Нельзя же всерьез поверить, что это делается с целью экономии электричества. Какая радость государству экономить электричество, если тарифы на него и без того задраны до небес? Зачем экономить товар, который можно выгодно продать?». «За бесценое продаем (приватизируем, что одно и то же) находящееся в самом центре Еревана уникальное архитектурное творение, в котором расположена гордость армянской науки и культуры — Армянская энциклопедия, и подобного рода моральные и экономические убытки хотим возместить самообманной экономией на электричестве». Кстати, по этому поводу в российской прессе выступили специалисты: «Сейчас уже подсчитано: выгода от перехода на летнее время получается какая-то ничтожная. Экономится около 0,5 процентов от вырабатываемой электроэнергии. Так что не стоит огород городить. Ибо этой сэкономленной доли процента не хватит даже на лекарства от головной боли народа».

А кто и каким образом подсчитал состояние совокупного здоровья целого народа, особенно стариков и особенно детей в дни, когда стрелки не только электронных и механических, но

и биологических часов искусственно и насильно переводят то туда, то сюда? Черт возьми, ведь и впрямь одно дело, когда меня в полночь под гул сирен поднимали по боевой тревоге, другое — когда я, моя семья, мои внуки и весь мой народ целую неделю должны ложиться спать и вставать раньше или позже привычного. Там я служил и понимал, что так надо. Это необходимо, как необходимо будущему олимпийскому чемпиону жить по строгому и жесткому режиму. Опять передадим слово специалисту: «Ребенку не объяснишь, что надо ложиться спать раньше или позже»; «Родители, вынужденные идти на работу на один час раньше, вынуждены на час раньше будить спящего малыша». Ну чем это не насилие?! Даже животноводы жалуются. В самом деле, мама еще кое-как объяснит ребенку необходимость вставать или ложиться раньше или позже. А как быть с коровами, которые при всей своей податливости и мудрости ну никак не поймут, зачем доить их на час позже или раньше.

Бог с ними, с коровами. Никуда они не денутся, привыкнут, как миленькие. Куда важнее то, о чем пишут специалисты. К. Метелица в статье «Сбой ритма», опубликованной в «Независимой газете», приводит выводы исследователей: «Они считают, что летнее время сбивает биологические часы человека, приводит к десинхрозу — нарушению согласованной работы систем организма. В результате, страшно сказать, сокращается продолжительность жизни среднестатистического россиянина». Нет сомнения, что то же самое можно сказать и о среднестатистическом армянине. Обо всем этом мы хорошо знаем и чувствуем на своей шкуре. Однако мы молча и послушно переводим стрелки механических часов, созданных человеком, презрев биологические часы, созданные природой, сотворенные Богом.

Я абсолютно уверен, что рано или поздно (скорее рано, чем поздно) мы избавимся от опасного для здоровья насилия, связанного с форменным издевательством над биологическим законом взаимосвязи природы и человека. Многие европейские страны давно прекратили дурацкую чехарду со стрелками часов. Судя по всему, и Россия скоро положит конец очередному в ее истории эксперименту.

И об этом тоже я вспомнил не случайно. Дело в том, что большинство телепередач, в том числе и по спутниковой связи, Армения принимает из Москвы и, естественно, по московскому времени. К примеру, по данным социологических опросов, вечернюю программу «Время» смотрит большая часть населе-

ния Армении. То же самое касается многих развлекательных программ. И очень часто как взрослые, так и молодежь только по этой причине ложатся спать на час позже. Учитывая, что среднее солнечное время (поясное время) Москвы и Еревана определяется исходя из того, что они находятся практически на одном и том же географическом меридиане, можно безболезненно ликвидировать традиционную разницу в один час. Главное, чтобы круглый год синхронно тикали все «живые» и механические часы, не только показывая точное время, но и способствуя строгому соблюдению спасительного ритма жизни. Ибо нарушение жизненного ритма и его резкий сбой даже на короткое время — это не что иное, как насилие, которое, как известно, питается рабской покорностью. Но ведь мы — не рабы. Рабы — не мы.